

Религия и политика

Обращение к младороссам*)

(Ответ на статьи в журнале «Наш Путь»).

Журнал «Наш Путь» — очень характерное явление в жизни эмигрантской молодежи. В статьях молодых авторов ощущается некое томление и беспокойство духовного порядка, высказываются мысли, даже программные пожелания, выходящие за узкие рамки политической партии, какую в существе своем является организация младороссов.

Младороссы говорят о примате духа, как о необходимой руководящей идейной основе их движения, которая должна им помочь осуществить две цели в будущем: 1) утверждение в России крепкого государства на основах монархии и 2) восстановление христианской веры. Монархическое государство будет способствовать развитию религиозного начала в народе и «облегчать и поощрять стремления Русских людей к 1) служению Богу и 2) спасению души в вечности».

На путях к этим двум главным достижениям младороссы определяют для себя необходимость сближения с новым человеком в России, сближения прежде всего духовного, которое приведет к тому, что этот новый человек, все дальше уходящий от марксизма и материализма, воспримет от младороссов и новое мирозерцание.

Постановка проблемы о примате духа и религиозного начала в политической организации есть лучшее доказательство того, что эта организация, если не до конца сознает, то уже достаточно ощущает всю непригодность, все бессилие политико-социальных программ, как таковых, в качестве средства для исцеления русского недуга. Но, если политико-социальные программы бессильны перед лицом происходящих в мире событий, то и некоторая доза духовности и христианских идей, в них привносимая, не только ничего не изменит в существе дела, но лишь ослабит чисто политическую динамику, политическую дисциплину партии в силу органической несовместимости двух совершенно разнородных заданий и устремлений.

Ведь если человек отдает себя всецело политической деятельно-

*) Статья М. Курдюмова является откликом на первый номер журнала «Наш Путь». Так как с выходом в свет второго номера вышла задержка, а данная статья представляет особый интерес, мы решили ее напечатать в «Русском Временнике».

М. Курдюмов дает пространные выдержки из «Нашего Пути», так что предварительное ознакомление с этим журналом для читателей настоящей статьи не является необходимостью.

Ответная статья К. Шевича выражает его личный подход к затрагиваемым М. Курдюмовым вопросам. Она написана как бы от лица младороссов. Редакция при этом считает нужным напомнить, что «Русский Временник» не является партийным органом и в нем наряду с младороссами участвуют и лица, не состоящие в Младоросской Партии.

РЕДАКЦИЯ.

сти, то это доказывает, что он больше и прежде всего верит в спасительную и творчески организующую силу государства и признает ее главным и лучшим устройшим фундаментом и двигателем социальной жизни стран и народов. Если политик при этом лично верит в Бога и считает христианскую религию обязательным воспитывающим началом для масс, то он будет стремиться целым рядом государственных же мероприятий в этом смысле воздействовать на эти массы. Но при таком подходе христианство будет играть в деятельности политика служебную роль, явится дополнением к основной задаче — укреплению и утверждению государства. Итак, государство у политика всегда на первом плане, а религия неизбежно — на втором.

Историческое прошлое христианских народов, в частности прошлое Российской Империи, достаточно поучают нас тому, каковы получаются результаты такой прививки христианства заботами государственной власти. Следовательно, если политическая партия говорит о примате религиозного духа, то она должна перестать быть партией и направить свое внимание в какую-то совсем иную область.

Ставаясь же лицом к лицу к нынешней Русской молодежи в России, младороссы, которые, видимо, совершенно искренно хотят послужить новому человеку, должны тем более до конца продумать: чего этот новый человек ищет и что они ему могут дать.

При мысли о возможной встрече разных представителей одного и того же поколения, воспитавшихся в полярно противоположных условиях и под влиянием полярно противоположных идей, необходимо учесть чем располагают те и другие, какое наследство получили одни от советского коммунизма, другие от своих эмигрантских идеологов и вождей.

Пусть при этом молодежь обеих категорий искренно считает себя освободившейся от духовного воздействия своих отцов, тем не менее это воздействие не могло не оставить своего отпечатка, хотя бы на самом формировании новых идей, на самом подходе к новым исканиям.

Характерной чертой советского воспитания почти за двадцать лет коммунистической диктатуры было устремление к целостному всеопределяющему мировоззрению.

Русские большевики начисто вычеркнули из своей программы не только христианство, но и всякую вообще религию. Ее место занял марксизм, как господствующая вера. И не только на низших партийных ступенях, но даже и на верхушках своих, где эта вера оформилась в особую советскую философию, она явилась ничем иным, как руководством к выполнению практических заданий из нее вытекавших, стала теорией конкретного действия. Коммунисты не даром оспаривали всегда против отвлеченной мысли в ее чистом виде и, как правильно указал в своих статьях на эту тему Н. А. Бердяев, они устремились к выработке такой философии, которая бы до конца могла определять и направлять жизнь. Восставая против религии, называя ее «опиумом для народа», они подчеркивали, что марксизм не есть абстрактная доктрина, а учение всегда вызывающее волю к конкретному действию и направляющее это действие к ясно поставленной цели. В этом была сила коммунизма. Сила эта опиралась не

только на ГПУ, как думает эмиграция, но именно на целостное мироощущение. В России сердца загорались и умы пленялись **возможностью жить по вере**, какова бы она не была. И до коммунизма в России народ проявлял иногда пламенную потребность жить по вере. Для этого достаточно прочесть историю разнообразнейших русских сект. Бывали случаи, когда целые волости поднимались, бросали дома, имущество, землю и шли за каким-нибудь сектантским вожаком или «встречать Христа», или искать неведомую праведную землю.

Русский большевизм, по духу своему столь отличный от западно-европейского коммунизма, в каком-то смысле давал отклик исконному максимализму Русской души.

Теперь посмотрим, что противопоставляла большевизму русская эмиграция.

Прежде всего она оплакивала крушение государственное и, в лице разных своих партий, по-разному мечтала о полной или частичной реставрации. Что касается советского богоборчества, то она воспринимала его как один из симптомов общего развала и крушения прежней, будто бы во всем благополучной России. Но возмущаясь этим богоборчеством, эмиграция противопоставляла ему лишь свою теоретическую верность христианству. Правда, Церковь почетно возносились на вершину всех почти политических программ. Но именно только на вершину. Она оставалась принципиально и символически, как начало издали благословляющее жизнь, но не вмешивающееся в ее существо, не имеющее творчески созидательного значения на этой брэнной земле.

Задача «восстановления Церкви», «восстановления христианства», понималась и понимается подавляющим большинством эмиграции как возвращение в Россию некоей чтимой иконы, которая тысячелетие висела «в переднем углу», а затем была дерзко сорвана коммунистами. Восстановление Церкви есть восстановление разрушенных храмов, утверждение духовенства в его правах, свобода церковной проповеди и т. д. А за всем тем жизнь пойдет по своему сугубо мирскому руслу.

Эмиграция и до сих пор мыслит Церковь небесную и земную прежде всего как средство помощи в борьбе с коммунизмом за возврат земных благ, отнятых революцией. А в ином смысле Церковь представляется путем личного спасения в загробной жизни.

Впрочем, в данном случае эмиграция придерживается лишь давно установившегося взгляда, по которому христианство действительно и важно больше для потустороннего мира, чем для нашего земного бытия, на поверхность которого оно бросает свои смягчающие лучи, не пытаясь проникнуть в его суетную и греховную глубину.

И вот, поскольку русская зарубежная молодежь восприняла в этой области не только традиции своих отцов, но и вообще установившийся в веках взгляд на христианство, она тоже мечтает об освобождении Церкви от советского гнета, о накоплении личного благочестия в русском народе, о восстановлении религиозного благообразия в новом русском быту. А в остальном она оставляет за собою свободу перестраивать русскую жизнь по своей государственной, поли-

тико-социальной программе, которой и отдается главное внимание и главная творческая энергия.

Молодые авторы «Нашего Пути» сознают, что жизнь без веры является духовно опустошенной, горячо призывают своих единомышленников к личному совершенствованию, к приобретению духовных богатств... И в то же время некоторые из них откровенно признаются, что обратить людей на этот путь — дело трудное. Так, в статье «Религиозный смысл младороссости» мы читаем:

«Ныне для прямой христианской проповеди наступило время трудное. Можно проповедывать Евангелие среди народов девственных, не слышавших о Христе и о едином Боге. Но как это сделать теперь, когда христианская истина людям открыта? Они даже носят название христиан и тем не менее ушли от самой сути христианской. Воображая, что им достаточно напели сказок об Адаме и Еве и что не время тешиться наивностями о подставленной левой щеке, о птицах небесных и т. д. они, при упоминании о Христе, Церкви, религии, буквально гложут. И в то же время многие из них имеют внутри себя все данные прийти к христианству, если бы их не слепило современное невежество».

«Церковные люди и церковные пастыри, — пишет дальше автор, — хорошо знают, как трудно им приблизиться к человеческому сердцу, одержимому этой невежественной слепотой. Поэтому в нынешние дни чрезвычайно важна помощь тех нецерковных, но стремящихся к христианской правде движений, которые, овладев современным языком, легче проникают во внутренний мир отторгнутых от Церкви и от христианства масс».

В приведенном отрывке перед нами правдивое признание, весьма ценное своей честностью и прямотой.

С автором приходится согласиться в том смысле, что и пастыри бессильны и «люди гложут» при попытках наставлений в духе благочестия. В чем же дело? В «невежественной ли слепоте» современного нам мира или в чем то другом? Поставим вопрос прямо:

Может быть, христианство утратило свою динамику?

Ведь, если «нецерковным людям» и «нецерковным движениям» легче проникнуть в человеческое сердце и зажечь там живую искру огня, то не значит ли это, что, по слову Христа, соль потеряла свою силу, перестала быть соленой?

Как же тогда новому советскому человеку дадут свое духовное окормление христиане, сами отчаявшиеся в действительности своей веры на души и умы? Какое новое мирозерцание зажгут они ослепительным факелом в потемках того сознания, которое уже не доводится марксизмом, а, вместе с тем, не нашло для себя иных основ. Автор на это дает очень неожиданный и странный ответ, по существу своему противоположный и чуждый всеобъемлющей идее вселенского христианского сознания и чувства: «Правильно осознанный и верно направленный русский национализм откроет духовные очи и вернет к просторам религиозным» (?).

Национализм (начало самозамкнутости) и религиозные просторы — понятия совершенно несовместимые.

Очевидно в поисках современной зарубежной молодежи происходит какая-то тяжелая путаница. Сознание и совесть томятся, но выхода найти не могут. Чтобы найти этот выход, надо со всей той смелостью, к которой нас обязывает долг христианской свободы, пересмотреть не самое христианство, как богооткровенное учение и Божественную Истину, а наше собственное отношение к нему.

Ведь есть два подхода к христианству: один, как к прибежищу от земных зол и невзгод, удаляющему мысль от мира, и другой — как к основе жизни, творчески эту жизнь преобразующей уже здесь на земле.

Апостолы, следуя примеру своего Божественного Учителя, умели соединять молитву, аскезу, вообще подвиг личного самоусовершенствования с действительным служением миру и в мире. Этим достигалось исполнение двух величайших и главнейших заповедей — о любви к Богу и к ближнему. И апостолы строили Церковь для целостного человека, для пребывания в ней всей его природы духовной и земной, Церковь, охватывавшую все человеческое бытие. Церковь для христианина первых веков была путь, истина и жизнь, ибо она являлась подлинно телом Христовым, царством Сына Божия, который сказал о Себе: «Аз есмь Путь, Истина и Жизнь».

Но люди веками отошли и от истинного понимания христианства и от истинного понимания Церкви. И не христианство само по себе утратило свою динамику и творческую силу, но христиане утратили и то, и другое.

Автор цитированной мною статьи глубоко ошибается, говоря что «христианская истина людям открыта». Она именно не открыта. Она цела и сохранена, но она, как талант евангельской притчи, закопана в землю и не приносит своей прибыли в мире, не умножается. Оттого и безбожие и богоборчество допущены Богом в мире, что мы закопали данный нам талант Христовой Правды, а живем иными средствами и ищем иными путями. Не христианство, а мы стали солью, потерявшей силу, оттого мы и брошены в огонь братоубийства — войн и революций. Ведь мы выросли в крепком убеждении, что христианство есть лишь облагораживающее дополнение к земной жизни, некое ее смягчение, а не сама жизнь, отнюдь не ее фундамент. Мы совсем забыли о том, что Церковь есть общество верующих, объединенных не только признанием единого вероучения и совершенным таинств, но и принятием истин и заповедей, данных нам Христом к руководству не только в личной, но и в социальной жизни. И оттого, что наши социальные идеалы, понятия и навыки оказались в полном противоречии с заповедями Христовыми, с евангельским законом любви, мы стали мыслить Церковь, как нечто отдельное от себя, как конфессиональное лишь учреждение, вверенное будто бы лишь иерархии и клиру. Церковь мы отождествляли с духовенством, лишь храмами, поставили ее в стороне от жизни и сами стали лишь «заходить» в нее, то-же «со стороны», за духовными потребностями, вообще за «требаниями», только «заходить» из нашей другой, совсем не церковной жизни.

На самом же деле Церковь отнюдь не иерархия и клир, не симво-

ды и консистории, не приходские советы и собрания, а общество верующих, стремящихся жить по закону Христову и имеющее своих предстоятелей, которых не должно противопоставлять верующим и выделять в особую замкнутую касту клира. Церковь в смысле клерикального учреждения есть Церковь ушербленная, доказывающая наше фактическое отпадение от христианства, наш разрыв с ним. И клерикальное начало в стране не есть доказательство ее христианского духа и христианской жизни, а лишь предельное искажение идеи Церкви, в которой, вопреки апостольскому завету, пастыри не подают примера стаду, а господствуют над стадом и, тем самым, нарушают заповедь Христову: «Цари царствуют и вельможи господствуют, но между вами да не будет так». От клерикальных тенденций к господству над душами и к господству политическому князей Церкви, в конечном итоге или разыгрываются события, происходящие в данный момент в Испании, или народ отходит от веры; а в тех случаях, когда вера еще продолжает кое-как в нем теплиться, «церковным пастырям бывает трудно приблизиться к человеческому сердцу» не потому, что оно «одержимо невежественной слепотой», как думает автор одной из статей «Нашего Пути», а потому, что пастыри при этих условиях являются в огромном своем большинстве представителями духовной касты, а не предстоятелями истинной Церкви и выразителями подлинного христианского духа.

Мы живем в эпоху трагического кризиса в так называемом христианском человечестве. Веками нарастающее отпадение христиан от христианства достигает на наших глазах своего логического завершения. Богоборчество во всех его формах отнюдь не есть лишь результат безбожной пропаганды, оно в значительной мере является следствием разочарования в искаженно понятом и искаженно утверждавшемся христианстве. К нашей эпохе применимы слова Евангелия: «ныне суд миру сему». Суд за сокрытие данного Христом таланта Его заповедей, суд за грехи наши перед Церковью, которую христиане не соблюли в ее первоначальной всеобъемлющей полноте, но превратили в узко-конфессиональное учреждение, в полу-государственный институт, руководимый не соборным духом живой веры и благодатно-созидательной любви, а буквой клерикального законничества. В сущности, христиане давно покинули Церковь, ибо перестали жить в Ней; они предоставили князьям Церкви блюсти «устав и закон», а сами пошли по иным дорогам, не имеющим ничего общего с духом Евангелия, с прямым смыслом Христова учения. Злоба, человеконенавистничество, чудовищные социальные преступления и несправедливости, вражда международная, классовая борьба, панический страх новых войн, грозящих истреблением целым странам и ожидание новых кровавых революций — вот атмосфера, в которой живет современное человечество. Эта атмосфера насыщена ужасами, прорезана молниями приближающейся мировой катастрофы.

В этих условиях проповедь национализма или, что еще хуже, зоологического расизма, знаменует не выход из положения, а полнейшее непонимание совершающегося во всем мире трагического перелома. Бердяев совершенно прав, говоря что мы подошли к апока-

лиценсу в истории, т. е. к крушению и завершению целой огромной эпохи. Необходимо безбоязненно посмотреть в лицо происходящему. Мечта в такой момент, отгородившись от всего мира, происходящему. Делах одной страны, стремление окопаться внутри своей нации — есть химера, и химера совершенно антихристианская. Когда дом объят пламенем, человек не запирается в своей квартире или в своей комнате, надеясь, что огонь до него не достигнет. Он идет тушить пожар.

Понятно, что молодежь, если и не сознавая ясно, но инстинктивно ощущая происходящее в мире, стремится к конкретному действию или, точнее говоря, противодействию обступившему нас со всех сторон злу. Понятно и то, что в первую голову она хочет применить свои силы на родной почве, послужить своему народу.

Младороссы с юношеской горячностью говорят о своей воле к дерзанию. Да, именно дерзание и нужно. Нужна свободная смелость и неограниченная жертвенность.

Но все эти качества — дерзание, свобода и жертвенность не проявляются в том, чтобы, «исправив и дополнив» старые идеи старого поколения, применять к ним методы, заимствованные отчасти в фашизме и отчасти в большевизме. Это есть ничто иное, как починка и некоторое расширение чужих, заезженных дорог, а не проложение нового пути. Это не есть способ разрешения проблемы, с мучительной остротой поставленной перед нами «апокалипсисом в истории».

И **нового человека** в России не удовлетворит такая «починка заезженной дороги». **Новый человек** потребует от нас, взамен разочаровавших его марксистских основ строительства, и **нового целостного мировоззрения**.

Мы должны ясно поставить перед собою вопрос:

В чем коренная причина происходящего в мире и в частности в России?

В том ли, что не хватает Бисмарков, Наполеонов и Муссолини для современного человечества, или в том, что это человечество давно пошло по ложному пути, давно изменив христианству, отступив от его целостных руководящих основ.

Если мы примем последний вывод, то и наши действия должны будут всецело им определяться. Вот тогда наше утверждение о **примате духа** не будет бессильным призывом только, а конкретным решением.

При таком решении и социальная проблема получит иное освещение, приобретет иной смысл, а вопросы политические и государственные будут иметь значение служебное, определяться требованиями момента, утратив характер абсолютно обязательных положений. Говоря иначе, восстановится **иерархия ценностей**, без которой человек не может быть христианином.

Нарушение иерархии ценностей, отступление от нее, есть **служение** двум господам, осужденное Христом, получившее свой приговор и от истории. Компромиссов в этой области быть не может. Компромиссы довели номинально христианскую часть человечества до отступничества не только от божеских законов, но и от элементар-

ных требований человечности. Попытка одновременного служения Богу и маммоне разделила первоначально единую Церковь на Восточную и Западную, потом вызвала отпадение протестантов от католиков, породила религиозные войны и резню Варфоломеевской ночи. От служения Богу и маммоне раздирается теперь на наших глазах и православный мир: государственно-политические вождения и националистические страсти создают отчужденность друг от друга поместных церквей, порождают сепаратизм и расколы, которыми раздроблена и зарубежная часть Русской Церкви, с первых дней своего существования соблазнившаяся «спасением русской государственности» и положившая в основу своей проповеди не закон Христов, а политическую борьбу с большевиками.

Служение Богу и маммоне — причина оргии церковных гонений в Испании, причина озверения целой нации, которая захлебывается в крови и проливает ее чем дальше, тем больше.

В наше время безбожный коммунизм и языческий по существу фашизм обличают бессилie лицемерного лже-христианства, частичного, поверхностного, узко-конфессионального, хранящего заповеди Христовы в учебных катехизисах и отрекшегося от них в жизни.

И коммунисты побеждают христиан потому, что коммунисты веруют в универсальное значение доктрины Маркса, а христиане не веруют в универсальное значение Евангелия.

И новый человек в России не примет от нас ущербленного христианства, дающего ему лишь благочестивое утешение, но не определяющего и не указующего ему творческих путей в этой жизни.

Надо помнить, что динамика коммунизма может быть побеждена лишь динамикой христианства.

Мы, отступив от прямого пути, указанного Евангелием, превратили христианство в религию только загробной жизни. Мы должны его восстановить во всей его силе, как религию, определяющую все пути человеческие, всю полноту человеческого бытия, не только в вечности, но и в земном мире, полноту бытия не только личного, но и общественного, социального.

Чтобы придти на помощь новому человеку в России, а через Россию и всему миру, мы должны прежде всего сознать себя частью Церкви, перед которой стоит жертвенная задача соборного подвига ради преобразования человеческой жизни во имя Христово.

И всякое движение, ставящее своей основной целью целостное восстановление христианства, будет движением церковным, движением, возвращающим Церкви ее творческую динамику, ее жизненную полноту.

М. Курдюмов.

По поводу статьи М. Курдюмова

Статья М. Курдюмова с большой остротой ставит перед нашей совестью и сознанием ряд самых основных жизненных вопросов. Вопросы эти настолько существенны, что можно сказать, что от того или иного их разрушения и сообразования с этим нашей жизни и де-